

003470238

На правах рукописи

Ткачева Елена Петровна

Мифосемиотика тюремной субкультуры в контексте маргинального сознания

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат на соискание ученой степени кандидата
культурологии

21 МАЯ 2009

21 МАЯ 2009

Киров – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»
на кафедре культурологии и рекламы

Научный руководитель	кандидат искусствоведения, доцент Поспелова Наталья Ивановна
Официальные оппоненты:	доктор культурологии, профессор Едошина Ирина Анатольевна
	кандидат философских наук, доцент Девонина Влада Анатольевна
Ведущая организация	Московский гуманитарный университет

Защита состоится 28 мая 2009 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вятского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «25» апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено исследованию знакового пространства тюремной субкультуры, рассмотренного в контексте маргинального сознания осужденных.

Актуальность темы исследования.

Мифосемиотика повседневного пространства тюремной субкультуры представляется одной из наиболее многогранных, сложных и малоизученных проблем, перспективность исследования которой определяется рядом факторов:

– во-первых, актуальность темы обусловлена ее междисциплинарным характером. Специфика изучения тюремной субкультуры, представленной в виде сложной многозначной *системы*, требует использования комплексной методологии, позволяющей выстроить историко-культурный, социальный, философский и психологический контексты явления. Интегративный подход дает возможность представить *тюрьму* как субкультурное образование, неразрывно связанное с общей динамикой развития современного общества и на разных исторических этапах взаимодействующее с базовыми для культуры нормами и ценностями;

– во-вторых, обозначенная проблема отвечает актуальному для современной науки интересу к маргиналистике, где на первый план выступает концепция пограничного сознания. Развиваясь на периферии общества, на перекрестке сразу нескольких культурных пластов, тюремная община сформировала сложный синтез трансформированных мифологических текстов, представленных в виде четко организованного знакового комплекса. Исследование подобного синкретизма во многом выходит за рамки анализа явлений традиционной культуры, открывая новые перспективы изучения развивающихся в настоящее время концепций культурной маргинальности;

– в-третьих, актуальность работы определяется прикладным значением поднятых в ней проблем, которые связаны с диагностикой и особенностями адаптации бывших осужденных в обществе, а также с изучением форм и последствий воздействия тюремной субкультуры на современную жизнь.

Степень научной разработанности проблемы

Серьезные достижения, связанные с изучением различных субкультур, в гораздо меньшей степени связаны с тюремной субкультурой, имеющей многовековую историю. Уже в XVIII веке предпринимались отдельные попытки исследования особенностей жизнедеятельности человека в условиях несвободы, носившие, однако, описательно-констатирующий характер. Со второй половины XIX века в России началось изучение тюремной субкультуры, преимущественно в рамках таких направлений, как правовое, историческое и психолого-педагогическое. Одновременно осваивались философские аспекты проблемы самоидентификации и нравственно-культурной трансформации личности в условиях лишения свободы. Последние и состав-

вили основу культурологических исследований феномена русской *тюрьмы* в XX–XXI веках, в том числе и его мифологической составляющей.

Одним из перспективных в сфере пенитенциарных исследований является *психологическое* направление, выступающее необходимым элементом развития комплексного изучения тюремной субкультуры¹. Оно раскрывает специфику субкультурного сознания, определяя тем самым природу данного явления – биологическую или культурную – и отвечая на вопрос, в какой мере тюремная среда является социокультурным феноменом и одновременно результатом бессознательной рефлексии психики человека на заданные условия жизни. Таким образом, становится очевидной необходимость применения принципов психологической методологии в рамках изучения *тюрьмы* как социально-культурного явления. Одним из первых эту проблему поднял еще в начале XX века М. Н. Гернет².

Культурологический и *социально-антропологический* подходы к исследованию тюремной субкультуры представлены работами Л. Самойлова³, В. Р. Кабо⁴, Г. А. Левинтона⁵, В. М. Анисимкова⁶. Важным этапом в формировании культурологической методологии исследований тюремной субкультуры стала публикация монографии Е. С. Ефимовой⁷. Из работ, посвященных знаковому исследованию феномена *тюрьмы*, заслуживает внимания статья этнографа В. Р. Кабо «Вечное настоящее»⁸.

Немаловажное значение имеют исследования *структурной* специфики тюремной субкультуры. В последние годы был опубликован ряд работ социологической направленности, рассматривающих тюремную субкультуру с позиций структурно-системного подхода⁹, что позволило выделить наиболее значимые компоненты тюремной действительности, обобщив их в целостную систему.

¹ В настоящее время базовой проблемой, выдвигаемой пенитенциарными психологами, является вопрос о влиянии изоляции на человеческое сознание, методах изучения этого влияния и системе коррекции вызванных условиями изоляции деформаций психики. Характерной особенностью современной пенитенциарной науки является тенденция формирования единого психолого-педагогического направления работы с осужденными. См. подробнее: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. Киев, 2006; Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001; Поздняков В. М. Отечественная пенитенциарная психология: История и современность. М., 2000.

² Гернет М. Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1927.

³ Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

⁴ Кабо В. Р. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. 1990. № 1. С. 108–114.

⁵ Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96–100.

⁶ Анисимков В. Н. Тюремная община: «Вехи истории». Саратов, 1993.

⁷ Ефимова Е. С. Современная тюрьма: быт, традиции, фольклор. М., 2004.

⁸ Кабо В. Р. Вечное настоящее // Австралийская мозаика. Сидней. 2004. № 8. С. 57–74.

⁹ См. работы: Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001; Олейник А. Н. Тюремная субкультура: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001; Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006.

Особая роль в познании онтологических характеристик тюремного пространства принадлежит художественно-философскому анализу и осмыслению феномена *тюрьмы*, начало которого связано с именем Ф. М. Достоевского¹⁰. В трагической ретроспективе XX века, в эпоху беспрецедентных репрессий и создания «архипелага ГУЛАГ» экзистенциальная художественная рефлексия идеи несвободы, объединившая представителей различных сфер гуманитарного знания и творчества (П. А. Флоренского, А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева, Е. С. Гинзбург, В. Шаламова и др.¹¹), открыла новый взгляд на тюрьму как на культурно-исторический феномен. Между тем, эта проблематика пока остается предметом исследования филологов – исключительно в границах литературоведческих работ.

Несмотря на имеющиеся научные разработки тюремной субкультуры, культурологическое осмысление этого феномена только начинается. Причина тому – влияние сложившихся в обществе стереотипов восприятия тюрьмы, что не всегда позволяет ученым воспринимать объект исследования как самоценную систему со своей богатой историей и целостной картиной мира. Выявлению этих глубинных структур и способствует предлагаемый мифосемиотический подход к исследованию функционирования субкультуры, который не нашел достаточно полного и глубокого осмысления в научной литературе, в том числе и в аспекте маргиналистики.

Гипотеза автора работы заключается в том, что, представители тюремной субкультуры являются носителями маргинального сознания. Несмотря на непосредственную изолированность осужденных от общества, тюремная субкультура – это открытая и динамично развивающаяся мифосемиотическая система, осуществляющая постоянный информационный обмен с традиционной культурой общества.

Объектом диссертационного исследования является тюремная субкультура как сфера маргинального сознания, рассмотренная в ее онтологических характеристиках.

Предмет исследования – мифосемиотический комплекс тюремной субкультуры, его генезис и трансформация в пространстве маргинального сознания.

Цель исследования состоит в мифосемиотическом анализе тюремной субкультуры, сформировавшей собственную знаковую систему.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / сост. В. П. Владимирцева. Красноярск, 1985; Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3. Л., 1988. С. 205–481.

¹¹ Флоренский П. А. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Екатеринбург, 2007; Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995; Лихачев Д. С. Соловки // Распятые: Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 4: От имени живых... / авт.-сост. Дичаров З. СПб., 1998. С. 129–137; Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности: в 2 т. Рига, 1989.

Цель диссертационного исследования предполагает решение следующих задач:

1. Изучить существующие в гуманитарных науках направления изучения мифосемиотических аспектов тюремной субкультуры и обозначить в рамках данного подхода междисциплинарное пространство исследования.

2. Рассмотреть тюремную субкультуру в контексте маргинального сознания.

3. Показать механизмы формирования картины мира и концепции личности в условиях изоляции (то есть, вне традиционного типа пространства, времени, общественных систем).

4. Исследовать сформировавшийся в повседневной культуре феномен «тюремной философии», представленный как способ пространственной самоидентификации тюремной субкультуры и ее репрезентации в знаках фольклорно-мифологического комплекса.

5. Изучить связи *тюрьмы* как знаковой системы с архаической и традиционной культурой (на материале повседневных форм поведения, ритуальных практик, специфики пространственно-временных отношений, индивидуального творчества).

Источниковая база. В качестве источников были использованы эпистолярное и мемуарное наследие российских осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, их фольклор, художественное творчество. Привлекались также документальные, архивные материалы, а также художественные произведения русских писателей.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Анализ мифосемиотических компонентов тюремной субкультуры характеризуется спецификой поставленной проблемы, ее сложностью, многогранностью, неоднозначностью, малоизученностью, что определило выбор методологии. В качестве основополагающего избран системно-семиотический метод исследования пространства тюремной субкультуры с привлечением герменевтического принципа интерпретации тюремной повседневности как культурного текста.

Углубленное изучение мифосемиотических компонентов тюремной субкультуры базируется на теоретических и методологических исследованиях по теории и методологии маргинальной антропологии (Р. Парк¹², Э. Стоунквист¹³, С. П. Гурин¹⁴ и др.), онтологии и семиотике мифа и мифологического сознания (принципы структурной антропологии К. Леви-Строса¹⁵, концепция мифологического сознания Л. Леви-Брюля¹⁶, исследование

¹² Park R. E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. № 6. Vol. 33.

¹³ Stonequist E. V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y., 1961.

¹⁴ Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000.

¹⁵ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001.

¹⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

архетипов К. Г. Юнга¹⁷, психоаналитические концепции З. Фрейда¹⁸, теория мифологического символизма Б. Малиновского¹⁹), на семиотических исследованиях Ю. М. Лотмана²⁰ и тартуско-московской семиотической школы, в том числе разработках мифопоэтического подхода В. Н. Топорова²¹ к явлениям культуры), академических трудах М. Элиаде, теории диалога М. Бахтина²². Анализ фольклорного материала базируется на структурном подходе к фольклорным текстам, представленном трудами В. Проппа²³, О. Фрейденберга²⁴, Е. Мелетинского²⁵ и др.).

Научная новизна исследования

Новизна диссертационного исследования заключается в культурологическом осмыслении тюремной субкультуры как знаковой системы, ядро которой составляет мифосемиотический комплекс. В результате:

- обоснована перспективность и результативность мифосемиотического подхода к изучению маргинального сознания осужденных в его функциональных значениях и влиянии на формирование системных характеристик тюремной субкультуры;
- раскрыты возможности синтеза мифосемиотики и маргиналистики в исследовании тюремной субкультуры;
- в рамках мифосемиотического подхода рассмотрены пространственные, временные, иерархические, игровые и визуальные компоненты тюремной субкультуры, позволяющие выделить архетипическую природу данного феномена и раскрыть его культурологический потенциал;
- систематизирован и проанализирован конкретный материал, отражающий специфику и природу мифологических концептов, составляющих дискурсивное поле тюремной субкультуры.

Положения, выносимые на защиту

1. Тюремная субкультура формируется на пересечении разных типов мировосприятия – массового и элитарного, профанического и сакрального, рационального и иррационального. В результате складывается сложный мифосемиотический комплекс, который может быть представлен в виде системы, включающей институциональный, материальный, ценностный, поведенческий, игровой и другие компоненты.

¹⁷ Юнг К. Г. *Архетип и символ*. М., 1991; Юнг К. Г. *Душа и миф. Шесть архетипов*. М., 1997.

¹⁸ Фрейд З. *Избранное*. Книга 1. М., 1990.

¹⁹ Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. М., 1998.

²⁰ Лотман Ю. М. *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. (1968–1992)*. СПб., 2000.

²¹ Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*. М., 1994.

²² Бахтин М. М. *Собр. соч.: в 7 т.* М., 1997.

²³ Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. М., 2004.

²⁴ Фрейденберг О. М. *Поэтика сюжета и жанра*. М., 1997.

²⁵ Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. М., 2006.

2. Тюремная субкультура функционирует как совокупность знаковых кодов, что позволяет исследовать ее семиотическое пространство.

3. Знаковое поле тюремной субкультуры базируется на синкретизме архаического и религиозного сознания, что формирует устойчивые механизмы трансляции обычаев, опыта, властеотношений (инициальная обрядовость, игра, система заповедей, вербальная магия и т. д.).

3. В основе особого – мифологизированного – типа тюремной философии лежат фольклорно-мифологические установки, характеризующиеся этнокультурными особенностями.

4. Мифологизм, свойственный формам маргинального сознания, определяет семиотику хронотопа тюремной субкультуры. В его основе лежит оппозиция *свое/чужое*, которая характеризуется многообразием коннотаций, выходящих за пределы замкнутой субкультурной системы и охватывающих практически все сферы жизненного пространства.

Личный вклад автора исследования состоит в культурологическом рассмотрении мифосемиотических смыслов тюремной субкультуры, взятых в аспекте маргинального сознания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в углублении представлений о механизмах трансляции устойчивых форм культуры в процессе их трансформации в социокультурном пространстве маргинального типа; перспективно в теоретическом отношении использование возможностей разных методологических подходов, позволяющее расширить границы научной интерпретации культурных текстов посредством дальнейшей разработки понятийного аппарата комплексных исследований культуры.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения истории и теории культуры, социологии культуры, культурной антропологии, семиотики. Основные положения и материалы работы могут найти применение в вузовских учебных курсах соответствующих дисциплин, в системе поствузовского образования. Материалы диссертации могут быть предложены в качестве учебно-практического пособия для социальных педагогов и психологов, работников центров социальной адаптации, специалистов-практиков в сфере организации работы с молодежью.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях в период 2005–2009 годов и отражены в 9 публикациях.

Результаты работы введены в учебный процесс в ходе преподавания учебных дисциплин «Молодежные субкультуры», «Социальная работа в учреждениях исполнения наказаний», читаемых диссертантом в Вятском государственном гуманитарном университете.

Работа обсуждалась на кафедре культурологии и рекламы Вятского государственного гуманитарного университета и рекомендована к защите.

Структура и объем диссертационного исследования определены постановкой задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего более 300 наименований. Общий объем диссертационного исследования – 145 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, характеризуется степень ее разработанности, излагаются цели и задачи, методологические основы исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава – «Семиотика тюремной субкультуры как культурологическая проблема» – носит теоретический характер и посвящена рассмотрению специфики тюремной субкультуры как знаковой системы, обоснованию маргиналистики как сферы культурологического исследования, предложенного автором для более глубокого анализа субкультурной картины мира. Уточняется понятийный аппарат диссертационного исследования, раскрываются возможности осмысления тюремной субкультуры как феномена, обладающего высокой степенью семиотичности и широкими возможностями философской и социально-психологической интерпретации.

В параграфе 1.1 – *Тюремная субкультура как проблемное поле культурологических исследований и возможности семиотического подхода* – представлен обзор и анализ методологических подходов и концепций исследования тюремной субкультуры. Основное внимание уделено проблеме генезиса пенитенциарных исследований, обозначены рамки культурологического анализа. Идея полидисциплинарности тюремной субкультуры строится на множественности трактовок. Во-первых, на понимании *тюрьмы* как правомерной (либо неправомерной) нравственной коррекции личности. Во-вторых, на необходимости изучения *тюрьмы* с учетом анализа психологических особенностей субкультурного сознания осужденных. Данные исследования позволяют интерпретировать природу тюремной субкультуры: в какой мере тюремная субкультура является философско-культурным феноменом, а в какой – результатом предсказуемой бессознательной рефлексии психики человека на ситуацию лишения свободы. Диссертант полагает, что мифосемиотический подход, предложенный в работе, обладая широкими возможностями, опирается на достижения философской и социальной антропологии, психологии, фольклористики, мифопоэтики. Поскольку миф является одним из самых ранних способов обобщения и сохранения опыта коллективно осуществляемой жизни, то изучение мифологического комплекса субкультуры, в которой он «консервируется», несмотря на многочисленные трансформации, может прояснить глубинные смыслы и динамику культуры на разных этапах ее развития.

В параграфе 1.2 – *«Феномен маргинального сознания в контексте тюремной субкультуры»* – рассматривается маргинальная природа тюремной субкультуры, в соответствии с которой разработаны принципы исследования *тюрьмы* как знаковой системы.

Тюремная субкультура является одной из самых протяженных в истории маргинальных структур. Понятие *маргинальности* предложено в качестве определяющего в исследовании специфики социально-культурного пространства тюремной субкультуры; более того, автор полагает, что именно в изоляции создаются «чистые» условия для складывания маргинальной ситуации и функционирования мифологических моделей.

Диссертант рассматривает маргинальность как неперенное условие процесса семиотизации *тюрьмы*. Маргинальная ситуация всегда семиотична, так как определяет пространственную локализацию субкультуры в обществе, что выражается в характерных для традиционной культуры оппозициях: *своё (присвоенное)/чужое, порядок/хаос, жизнь/смерть, власть/подчинение* и т. д. Эти оппозиции формируют систему символов, посредством которых осужденные маркируют своё пространство повседневности. В связи с этим в работе дан компаративистский срез тюремной субкультуры в отношении других субкультур. В отличие от многих, вытесненных обществом, социальных групп (бомжи, мигранты и т. д.), осужденные находятся в ситуации еще и физической изоляции. В работе исследуется процесс семиотизации и мифологизации *тюрьмы*, основанный на полном разрыве связей с базовой культурой. Теряя привычные, устойчивые ориентиры, осужденный приходит к необходимости конструирования новой картины мира, способной в какой-то мере воссоздать необходимые для него социально-культурные условия.

Несмотря на то, что тюремная субкультура является изолированной, она представляет собой *систему*, функционирующую по определенным законам, принятым в обществе. Аргументируя это положение, диссертант раскрывает понятие *системы* по отношению к тюремной субкультуре. В качестве теоретической основы используется определение культурной системы, предложенное М. С. Каганом²⁶ и позволяющее адекватно характеризовать структурные элементы тюремной субкультуры.

Так, *материальный компонент* тюремной субкультуры представлен средой и ее особенностями. Одной из таких особенностей тюремного сообщества, отличающего, на первый взгляд, от других форм сообществ, является высокая степень концентрации осужденных и жесткая фиксированность форм поведения. Эти характеристики проникают во все сферы жизни *тюрьмы*, составляя специфическое пространство ее повседневности. Так, например, условия содержания осужденных раскрываются в диссертации в контексте семантики поведенческих норм (в частности, интерпретируется природа конформистских установок).

Система принуждения также рассматривается как известный во всех традиционных обществах механизм, обеспечивающий саморегуляцию системы. Потребность в принуждении, свойственная тюремной субкультуре, связывается с необходимостью авторитетной интерпретации нормативных

²⁶ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: в 2 т. Т. 1. СПб., 2003.

обязательств. Однако диссертант полагает, что тюремная субкультура не смогла бы поддерживать стабильность в тех агрессивных по отношению к человеческой личности условиях, где она развивается, если бы не существовало такого понятия, как компромисс и солидарные интересы всех осужденных.

Для иллюстрации идеи системности тюремной субкультуры выделен уровень *духовной организации* системы. Значимым компонентом здесь выступают ценности, если придавать им широкий смысл. В диссертации показано, что тюремная субкультура в целом опирается на систему ценностей, принятых в базовой культуре, но трансформирует их, освобождая от архитектурной памяти и включая в систему бинарных оппозиций. В качестве одного из видов практического выражения ценностных ориентиров осужденных рассматривается религия. На материале творчества заключенных исследуется сложный синтез мифологических и религиозных верований осужденных, что позволяет сделать вывод о том, что религиозность представителей данной субкультуры – это особый феномен, который является исключительно важной мировоззренческой составляющей тюремного сознания. Религиозная позиция позволяет осужденному выстроить целостный образ тюремного мира и своего места в нем. На основе созданного образа происходит ориентация осужденных в пространстве повседневности тюремной субкультуры.

В соответствии с принципом бинарности в тюремной субкультуре обнаруживается существование как ценностей, так и анти-ценностей. Первые представляют собой определенные предпочтительные коммуникативные акты, то есть ту формулу успешного поведения в тюрьме, которая влечет за собой формирование уважительного отношения к индивиду со стороны других осужденных. В среде осужденных эти поведенческие принципы, безусловно, не зафиксированы письменно, а представляют собой синтез образцов, усвоенных в ходе фольклорно или вербально закрепленных моделей, различных коммуникативных ситуаций и т. д.

Подобно ценностям, анти-ценности также представлены в качестве важных регуляторов повседневной жизни. Они являют собой оборотную сторону механизма саморегуляции системы, основанную не на принципе солидарности осужденных, а на механизме подавления. Анти-ценностью здесь выступают формы поведения, отклоняющиеся от общепринятых основной массой осужденных (а главное – от предписанных «тюремным законом»). Так, например, аморальным среди осужденных считается *крысятничество* – воровство продуктов питания и вещей у других осужденных.

В качестве компонента духовного пласта тюремной субкультуры рассмотрены такие понятия, как *образ жизни* (что дает возможность комплексно, во взаимосвязи рассмотреть основные сферы жизнедеятельности осужденных) и *социальные институты* как стандарты поведения осужденных, с помощью которых обеспечивается устойчивость субкультурных связей и отношений. При этом под институализацией тюремной субкультуры мы понимаем относительно устойчивые типы и формы социальной практики, с по-

мощью которых организуется жизнь осужденных, обеспечивается устойчивость субкультурных связей и отношений. Диссертант рассматривает эту внутреннюю субкультурную организацию как набор стандартов поведения осужденных в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения не закреплены, в отличие от официального общества, нормами права и другими социальными нормами – они являются своего рода неписаными догматами. Например, институализация власти в тюрьме соотносится с понятием «тюремного закона» и обеспечивающих его выполнение «авторитетов». Он и является основным механизмом упорядочивания субкультурной жизни.

В данном разделе исследованы также возможности преодоления субкультурного вакуума, такие, как культурный обмен с внешней средой (переписка, создающая вокруг осужденного личное информационное пространство, спасающее его от обезличивающего влияния субкультуры) и дистанцирование от субкультурных норм и ценностей, выражающееся в игнорировании принятых в тюрьме стандартов поведения.

Маргинальную концепцию тюремной субкультуры было бы неверно рассматривать как состояние культурной дезориентации и неопределенности, как результат разрушения целостности социально-культурной системы (как принято в ряде работ). Феномен *тюрьмы* намного сложнее, что делает возможным рассматривать маргинальность осужденных как понятие, коррелирующее с терминами, которые используются сегодня в философских текстах («нетипичность», «отчужденность», «инаковость», «чужеродность» и др.). Автор считает корректным использование в данном контексте получивших философско-культурологическое обоснование названных понятий в концепциях экзистенциалистов (Ф. Кафка, А. Камю), структуралистов и постмодернистов (Ж. Делез, Ж. Деррида).

Механизм самовыражения маргинального сознания представлен в исследовании *творческого (художественного) компонента* тюремной субкультуры. Диссертант рассматривает творчество осужденных как синкретичное явление, определяющую роль в становлении которого играет контекст изоляции и средовые характеристики исправительных учреждений.

Ряд интересных выводов открывает обращение к мифосемиотическому комплексу тюремной субкультуры с позиций психоаналитической теории З. Фрейда. В частности, автора работы интересовала проблема гипертрофированной агрессии осужденных, связанной, во-первых, с ограничением пространства, свободы действия, во-вторых, с невозможностью адекватно реализовывать инстинктуальное поведение. Кроме того, жесткая структура управления изолированным обществом в сочетании с насаждением официальных норм культуры также способствует формированию агрессивных форм поведения.

Таким образом, маргинальность тюремного мира представлена как неоднозначное, сложное и многоаспектное явление, в рамках которого оформляется система в единстве своих знаковых характеристик.

Во второй главе – «**Формы знаковой репрезентации тюремной субкультуры**» – в трех параграфах определяется мифосемиотическая природа

коммуникативных моделей тюремной субкультуры, основанных на особенностях трансляции культурных кодов, имеющих мифологическую природу, способных к адаптации в новых условиях.

В параграфе 2.1 – «Семантика коммуникативных моделей тюремной субкультуры» – рассматриваются основные виды и механизмы взаимодействия, используемые тюремной субкультурой в процессе самоидентификации.

В качестве наиболее устойчивой формы регуляции жизни тюремной субкультуры диссертант выделяет *традиции и обычаи*. Подобно способам передачи традиций из поколения в поколение, тюремная субкультура имеет свои механизмы трансляции сформированных обычаев, мифов и накопленного опыта. Институализация тюремной субкультуры находит свое подтверждение в существовании собственной «школы», ее последователей, а также своей мифологии. Данное явление рассматривается и анализируется в сравнении специфического сознания тюрьмы и культурного сознания традиционных обществ.

В качестве иллюстрации «религиозного» канона диссертант предлагает анализ своеобразного «кодекса» тюремной жизни – сформулированные *тюремной* «Правила-заповеди арестанта», моделирующие «идеальный» характер взаимоотношений в тюремном сообществе. Общий смысл «заповедей» сводится к запрету всего того, что может причинить вред тюремной общине; многие из них имеют идентичный общекультурным нормам характер («не донеси на других», «не кради у ближнего» и др.). В работе предлагается возможность рассмотреть механизм действия «заповедей» в процессе освоения тюремного мира: впервые попадая в условия лишения свободы, человек ощущает определенное пространственно-временное вакуум: мир вокруг незнаком, опасен, никак им не маркирован. В этой ситуации у осужденного возникает потребность освоить окружающее его «чужое» пространство и «вписать» в него себя. «Заповеди» четко регламентируют нормы поведения как для всей общины, так и для каждого индивида, давая возможность всем занять свои места в субкультурной иерархии. Подобный способ регуляции коллективной жизни посредством табуирования каких-то элементов проходила и архаическая культура, которая на определенных стадиях своего развития решала проблемы организации и подчинения массового сознания через систему жестких запретов и логику мифа.

Особое внимание диссертант уделяет исследованию коммуникативных процессов в тюремной субкультуре: анализируется роль устойчивой иерархической системы *тюремной* в процессе мифологизации субкультуры. В качестве примера исследована мифологическая основа фигуры «вора в законе», символически воплощающего архетип лидера.

В качестве важнейшей коммуникативной модели исследуется *игровое пространство* тюремной субкультуры. Диссертант интерпретирует игру в контексте концептуальных идей Й. Хейзинги и М. Бахтина – как действие, моделирующее социально значимую и вместе с тем бессознательно выражаемую игровую форму реальности. При анализе тюремной игры выделены,

в первую очередь, игры с символикой переходных обрядов, распространенных среди осужденных и функционирующих в разнообразных обрядовых ситуациях, которые фактически очерчивают зону схождения игры и ритуала. Игра в тюрьме выступает как система знаков и выполняет функции, генетически свойственные мифу. Необходимость реконструкции символов и знаков традиционной культуры, интерпретации их семантики, установления связей между ними обусловила актуальность обращения диссертанта к анализу тюремных игр. В рамках диссертации игры осужденных рассмотрены как трансформированная форма мифоритуального комплекса, сохранившаяся в субкультурном сознании. При этом автор определяет методологию исследования тюремных игр, принимая во внимание устойчивый характер ритуальной игры в традиционной культуре.

С точки зрения временного кода, любое игровое действие создает циклическую модель времени, в которой события прошлого, будущего и настоящего начинаются и завершаются в *данный момент*, в конкретной игровой ситуации, что определяет феномен ее вневременности, вечной цикличности и повторяемости. Тюремная игра также подчинена этому принципу: она возникает с момента появления человека в исправительном учреждении и продолжается на протяжении всего срока отбывания наказания, фиксируя каждый значимый этап этого срока. Диссертант останавливается на игровом «сопровождении» таких фиксированных моментов, как вхождение в коллектив, процесс социализации в новых условиях, проводы на суд, на этап и, наконец, освобождение.

Отдельное внимание уделено исследованию семантике карточных игр, в ходе которого обозначены важнейшие их функции: онтологическая, прагматическая, регулятивная, развлекательная, компенсаторная. «Сценарии» карточной игры в тюрьме предполагают синтез вербального и невербального кодов игры (что также характерно для ритуально-магических форм культуры) – определенного сленга, разнообразного набора шулерских уловок, системы жестов. Диссертант отмечает, что в повседневном тюремном жаргоне имеется довольно высокий удельный вес слов, пришедших из языка карточной игры.

Помимо карточных, отмечается распространенность других игр ритуального характера, большинство из которых имеют инициальную принадлежность (например, так называемая «прописка»). В работе прослеживается эволюция инициальных игровых действий, их динамика и трансформация от исторически сформировавшихся форм до современных.

Параграф 2.2 – «Роль фольклорно-мифологических стереотипов в формировании "тюремной философии"» – посвящен исследованию понятия «тюремная философия», в основе которого лежит система мировоззренческих суждений, сформировавшихся в рамках повседневности тюремного мира. Диссертант обосновывает понятие «тюремная философия», учитывая то, что речь идет о первичных формах философских универсалий, сохранившихся во многом условность мифологических представлений. Это обстоятельство принципиально меняет ракурс исследования тюремной субкульту-

ры (считавшейся ранее достаточно «плоским» социальным образованием), придавая ей статус целостного и многомерного явления, значимого в контексте актуальных проблем современной культурологии. Специфика образа *тюрьмы* определяет вектор развития последней и формирует особенности русской тюремной субкультуры как своеобразного национального явления, отличающегося от подобных субкультур в других странах. Эти особенности, по мнению диссертанта, определили характер экзистенциальных универсалий, сформировавшихся в рамках «тюремной философии», и их закрепление в мировоззренческом комплексе данной субкультуры. Специальное внимание в работе уделено двум базовым в контексте рассматриваемой проблемы категориям – *свободы* и *судьбы*. Обосновывается возможность применения к ним целого спектра методологических подходов, а также определяется, могут ли рассматриваемые универсалии и пространство их интерпретаций участвовать в обосновании философской концепции тюремной субкультуры. Маргинальное сознание тюремной субкультуры выработало свое представление о свободе, «переживаемое» в понятиях народно-мифологической картины мира как «воля». Дуальная оппозиция *свобода/несвобода* (*воля/неволя*) представляется достаточно сложным для исследования явлением, состоящим из двух компонентов, находящихся в парадоксальных отношениях друг с другом: формальная несвобода (в условиях заключения) соотносится с внутренней, экзистенциально переживаемой свободой. Противоречие заключается в следующем: какой из этих компонентов имеет статус абсолюта, и может ли человек, ограниченный во внешней свободе, быть свободным внутренне? Или же свобода есть имманентная универсалия, не допускающая никаких форм ограничения – ни внешних, ни внутренних? Закрепленность в национальном сознании подобной рефлексии свободы связана с ее пониманием как неотъемлемой характеристики русской души. Эта особенность сделала семиотически окрашенной связь народного и тюремного сознания: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности...»²⁷. Подобные черты ментальности нашли отражение в рефлексии на те или иные стороны тюремного заключения и ассоциации свободы с душой.

Сам факт лишения воли (=души) сформировал в тюремной лирике (как и в русской поэзии в целом) имеющие фольклорную форму образы-стереотипы тюрьмы-темницы и страдающего узника. Важная особенность представления о свободе в пространстве тюремной повседневности заключается в осознании ее дуалистической природы. *Свобода* как субстанция начинает осознаваться только в ситуации *несвободы*. Так, например, один из распространенных тюремных афоризмов – «Никто не ценит так свободу, как тот, кто был ее лишен» – дает основание полагать, что онтологичностью наделяется не только и не столько категория *свободы*, сколько ее соотношение с оппозиционным понятием *несвободы*. Именно эта дуальность, по мнению диссертанта,

²⁷ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 16.

является структурно-семантическим компонентом тюремного мироощущения, для которого не характерны ни идея абсолютной *свободы*, ни идея абсолютной *несвободы*. Эта идея рассматривается в диссертации на материале фольклора осужденных. Исследуя содержание категории *свободы* в тюремной субкультуре, автор обращает внимание и на специфику сознания осужденных, представляющего синтез мифологической и религиозной форм мышления.

Мифологическое мышление, безусловно, является определяющим – это мощная бессознательная форма рефлексии, базирующаяся, в том числе, на архетипах коллективного бессознательного (в том числе, и в их юнгианском «изводе»). Если речь идет о местах лишения свободы, то преобладание мифологического мышления становится очевидным и понятным: тюремное сознание характеризуется определенными личностными и интеллектуальными особенностями его носителей – членов искусственно созданной родовой «общины», а также спецификой условий содержания в учреждении. В этих обстоятельствах возможности социально-культурного регулирования жизни ограничены (как и формы рефлексии на внешние обстоятельства). В тюремной субкультуре мифологическое сознание встроено в религиозную форму, которая является вторичной, адаптированной к потребностям тюремной субкультуры, а потому зачастую внеконфессиональной и внеэтнической. «Тюремная религия» уподобляет арестантскую неволю монашеской. Подобно тому, как христианский аскетизм провозглашает отказ от бренных земных удовольствий, обеспечивая взамен внутреннюю свободу, так и тюремное сознание тоже эксплуатирует идею духовного освобождения в ситуации неволи. Отсюда – особая потребность осужденных к идентификации этой свободы не только через мироощущение, но и через христианскую, отчасти эзотерическую, символику, используемую, прежде всего, в художественном творчестве заключенных.

Религиозная трактовка идеи свободы (прежде всего внутренней, нравственной) во многом обусловлена историческими особенностями развития тюремной практики в России. В качестве исторического примера диссертант приводит заточение арестованных в монастырские тюрьмы, находившихся в ведении Синода. В продолжение этой традиции некоторые современные исправительные учреждения занимают территории бывших монастырей, что, безусловно, накладывает определенный отпечаток на самосознание находящихся там осужденных (печально знаменитые Соловки, например).

Автор отмечает, что в коллективном сознании осужденных большое значение уделяется вещам, явлениям и животным, не принадлежащим к тюремному миру, но по каким-либо причинам оказавшимся в нем и получившим мифологический статус. Они воспринимаются как атрибуты свободы и вестники воли. В этой связи диссертант исследует символику птиц, а также других животных, выступающих в качестве вестников свободы (мышь в тюремной субкультуре – символ воли, «животное-душа»).

Для маргинальных систем, в том числе и для тюремной субкультуры, характерно конструирование мифологемы *судьбы*, предполагающее освоение архетипического компонента сознания. Различные формы обращения к

образами *судьбы* в среде осужденных наблюдаются в фольклоре, эпистолярных источниках, художественном творчестве. Тюремная субкультура, как среда, сохранившая и постоянно воспроизводящая архаическую модель социума, сформировала и собственную мифологию *судьбы*, включив ее в свое знаковое пространство.

В параграфе 2.3 – «Семантика хронотона в тюремной субкультуре» – рассматривается ряд аспектов семиотических оснований тюремной субкультуры, в первую очередь, – в рамках функционирования бинарной оппозиции «свое/чужое», а также в восприятии осужденными категории *времени*. Тюремный мир представляется сложной самоорганизующейся системой, которая по своей структуре схожа с первичными социальными системами. Одной из ключевых характеристик тюремного пространства является оппозиция «свое/чужое». В диссертации данная оппозиция раскрывается в целом ряде аспектов.

1. Тюрма как «чужое» пространство / воля как «свое».

Исследуется подобное разделение пространственных характеристик в их амбивалентной сущности: большинство осужденных воспринимает территорию исправительного учреждения как «чужую» независимо от срока отбывания наказания, условий содержания и степени адаптации к ним. Обращается внимание на то, что «очерчивается» в данном случае «не-свое» пространство, то есть *тюрма*. «Своим» же будет считаться весь мир за стенами *тюрмы*, при этом границы «своего» расширяются, а «чужого» сужаются до пределов исправительного учреждения. Подобное явление можно считать редким в современном обществе, тяготеющем к локализации «своего» пространства, однако оно как нельзя ярче иллюстрирует явную мировоззренческую деформацию осужденных. Автор связывает это с возвратом к мифологическому стереотипу.

Наряду с пространственными, анализируются функциональные характеристики, маркирующие «свое/чужое» пространство в тюремной субкультуре. Тюрма – вполне обжитое в бытовом плане место – представляет собой все же некий антипод «дому». С одной стороны, пространство освоено, досконально (порой на протяжении многих лет) изучено; с другой – психологически чуждо. Отсюда – огромное количество ассоциаций, возникающих при попытке осмыслить семантику тюремного мира. Например, «Мертвый дом» Достоевского – все же «дом», несмотря на свою далеко не позитивную знаковую окраску. На первый план здесь выходит не столько отрицание этого мира, сколько его инаковость: тюрма представляется семантически полноценным пространством, включающим всю атрибутику *жизни*, однако вывернутой и превращенной в *анти-жизнь*. Схожей является характеристика тюрмы у П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина), который также усматривает в оппозиции «свое/чужое» мифологический акцент, вписывая ее в древнюю традицию маркировки «своего» пространства как жизни, а «чужого» – как смерти.

2. Тюрма как «свое» пространство / воля как «чужое».

Выстраивая ассоциацию тюрмы как «своего» пространства, автор указывает на феномен осмысления неволи как самоочищения, так как в про-

цессе отбывания наказания многие осужденные приходят к осознанию вины и раскаянию. Однако по мере отбывания срока наказания и освобождения внешний мир, враждебно настроенный по отношению к бывшему осужденному, становится «чужим», а прошлое (тюремное) пространство – «своим».

3. Индивидуальное («свое») и коллективное («чужое») в камере/бараке.

Значимость данной оппозиции, представленной в тюремной субкультуре, определяется спецификой пространства, в котором приходится проживать подследственным и осужденным преступникам. Проблема заключается в дефиците территории, занимаемой человеком. Данный факт определяет вероятные тенденции поведения в тюрьме. Во-первых, возможна социально-культурная адаптация к новым условиям жизни с формированием четких представлений о негативных аспектах влияния субкультуры. Во-вторых, отсутствие возможности самоидентификации может привести к регрессу, что связано с неспособностью человека противопоставить себя установленным в данном сообществе нормам и ценностям; в этом случае адаптация будет носить негативный характер. Как бы то ни было, формирование оппозиции «я/другие» определяет преобладание индивидуальной либо коллективной форм сознания.

Известно, что исторически коллективное всегда преобладало над индивидуальным, обеспечивая тем самым более надежную защиту общины; этим объясняется преобладание инстинктуальных коллективных форм поведения человека, особенно в незнакомых условиях и опасных ситуациях (так называемый «феномен толпы»). По мнению диссертанта, подобное явление в тюремной субкультуре представляет собой специфический социально-культурный феномен, являющийся одним из аспектов репрезентации знаковой оппозиции «свое/чужое».

Исследуя семантику хронотопа, диссертант рассматривает категорию *времени* в тюремной субкультуре. Акцентируется внимание на отличии *восприятия времени* в тюрьме и на воле: *время* в сознании осужденного взаимосвязано с пространственными характеристиками (время в тюрьме неподвижно). Рассматривается механизм визуализации *времени*, распространенный в среде осужденных. Потребность материализовывать ход времени представлена как возможность сохранения связи с реальностью. В контексте мифосемиотического подхода отдельное внимание семантика сновидений в тюремной субкультуре: сон воспринимается осужденными как иная, отличная от тюремной, реальность. На материале дневниковых записей и писем осужденных автор анализирует сакральные образы тюремных снов. В частности, интерес представляет сон-путешествие как мифологический компонент тюремной повседневности.

Знаковые характеристики хронотопа в тюремной субкультуре рассматриваются во взаимосвязи со спецификой маргинального сознания осужденных.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечается дальнейшая перспектива разработки проблемы. В частности, по мнению диссертанта, научный интерес представляют следующие направления: исследование феномена тюрьмы в кон-

тексте постмодернистского сознания и в контексте массовой культуры; анализ факторов проникновения тюремной субкультуры в пространство общечеловеческой культуры; расширение методологического аппарата работы; привлечение к работе нового литературно-художественного материала, а также изучение тюремной субкультуры в аспекте компаративистики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

В изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Ткачева, Е. П. Феномен русской тюремной субкультуры в комплексных гуманитарных исследованиях [Текст] / Е. П. Ткачева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 1. – С. 134–140.

2. Ткачева, Е. П. Функции игры в тюремной субкультуре [Текст] / Е. П. Ткачева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 4. – С. 130–132.

3. Ткачева, Е. П. Мифологема судьбы в знаковом пространстве тюремной субкультуры [Текст] / Е. П. Ткачева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 4. – С. 315–317.

4. Ткачева, Е. П. Мифологические стереотипы в системе тюремной субкультуры [Текст] / Е. П. Ткачева // Вопросы культурологии. – 2009. – № 5. – С. 80–83.

В других изданиях:

5. Ткачева, Е. П. Семантика пространства в тюремной субкультуре [Текст] / Е. П. Ткачева // Вестник культурологии. Вып. 3. – Киров, 2005. – С. 30–32.

6. Ткачева, Е. П. Проблема нейтрализации негативных явлений тюремной субкультуры: исторический аспект [Текст] / Е. П. Ткачева // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: сб. материалов. Вып. 4. – Киров, 2007. – С. 195–197.

7. Ткачева, Е. П. Знаковое пространство тюремной субкультуры в контексте мифо-ритуальной традиции [Текст] / Е. П. Ткачева // Культура и образование: реальность и перспективы: сборник материалов межрегион. науч.-практ. конф. – Киров, 2007. – С. 69–73.

8. Ткачева, Е. П. Оппозиция «свое/чужое» в знаковом пространстве тюремной субкультуры [Текст] / Е. П. Ткачева // Знаковое пространство культуры в комплексных гуманитарных исследованиях: материалы междунар. интернет-конф. в рамках научного семинара молодых ученых «Культурологические штудии». – Киров, 2008. – С. 50–55.

9. Ткачева, Е. П. Семантика властеотношений в тюремной субкультуре [Текст] / Е. П. Ткачева // Образы и символы власти в русском искусстве: история и современность: материалы междунар. науч. конф. – Киров, 2008. – С. 119–123.

Подписано в печать 24.04.2009 г.

Формат 64x80/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,2.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1151.

Издательский центр
Вятского государственного гуманитарного университета
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674